

А.П. Безноса
(Полтава, Украина)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ В УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

В современном динамичном мире обычным явлением становятся контакты носителей разных культур и языков. Некомпетентность или неадекватное воспроизведение норм вербального и невербального поведения создают трудности, а также барьеры в общении представителей разных лингвокультурных обществ и могут повлечь за собой разные коммуникативные девиации. Национально-культурные элементы оказывают весомое влияние как на единицы языкового кода, так и на собственно процесс общения [Е.Ф. Тарасов 1977; А. Wierzbicka 1999; Я.К. Радевич-Винницкий 2001; Ф.С. Бацевич 2003].

Вежливость в своем вербальном и невербальном проявлении – явление общечеловеческое. В то же время ей свойственны этнические особенности, национальный колорит. Исследователи (В.М. Алпатов, С.В. Неверов, Н.И. Смирнова, Е.А. Аршавська, И.Д. Скорбатьюк, Ж. Лендел, Н.Ф. Баландина, А. Вежбицкая, М. Марцяник, К. Ожуг, Н.И. Формановська, Я.К. Радевич-Винницкий и другие) на материале разных языков (японского, корейского, китайского, английского, французского, венгерского, чешского, польского, русского, украинского и других) указывают на то, что это порождено, с одной стороны, спецификой природно-климатических условий, способами ведения хозяйства, контактами с другими народами, влиянием религии, уровнем культурного развития и т.д., а с другой стороны – „душой народа”, его характером, темпераментом, менталитетом, национальным характером. Являясь элементом национальной культуры, формулы вежливости (в частности, грамматические маркеры обращения) отличаются яркой национальной спецификой даже в близких (таких как славянские) языках.

Вежливость, выражаясь в системе языковых знаков, символов, словесных формул и невербальных средств, создает матрицу, служащую в разнообразных коммуникативных ситуациях одним из кодов, который представляет своеобразие национально-языковой картины мира. По словам Н.И. Формановской, „обращение занимает центральную позицию и составляет наиболее многочисленное, складывающееся из ряда тематических групп, функционально-семантическое объединение единиц” [Формановская: 85].

Уточняя в словаре толкование слова „обращение”, Н.И. Формановская отмечает, что „для того чтобы направить кому-либо слова..., адресоваться к кому-либо, его необходимо назвать, т.е. употребить ту номинацию, которая с точки зрения адресанта наиболее соответствует социальному статусу и роли адресата... Но, в соответствии с мотивом и целью, такую номинацию необходимо совместить с

предикацией, т.е. не просто назвать адресата, но одновременно и вместе с тем позвать его” [Формановская: 86].

Обладая общим смысловым значением – апеллировать к адресату речи – обращения „предназначены для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта... Факт употребления того или иного обращения должен непременно свидетельствовать об определённой ситуации, об определённом социальном отношении” [Лендел 1977: 193].

Обращение постоянно находится в центре внимания исследователей как один из наиболее дискуссионных вопросов. Одни квалифицируют его как синтаксическую единицу, которая не входит в состав предложения, но „примыкает” к нему, а также не является членом предложения, но связана с ним семантически [Д.Н. Овсянко-Куликовский 1912; А.А. Шахматов 1941; А.М. Пешковский 1954; А.Г. Руднев 1959; Н.Ю. Шведова 1990; I.I. Слинько, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобилянська 1994; В.В. Виноградов 2001; П. Дудик 2001; и другие]. Другие квалифицируют обращение как принадлежность системы речевых актов [Гольдин 1987].

Мы разделяем точку зрения Н.И. Формановской, которая считает, что „обращение... „обитает” не в номинативно-предметной сфере языковых единиц, хотя и обеспечивается обширным кругом лексем, но в непосредственно коммуникативной сфере, как речевой акт, т.е. минимальное перформативное высказывание, рядом с императивным побудительным речевым актом, рогативным вопросительным речевым актом, эмотивно-экспрессивным речевым актом, выражаемым междометными высказываниями” [Формановская: 84].

Целью нашего исследования является определение и описание маркеров обращения в украинской, русской и польской коммуникативных культурах, а также описание способов и форм номинации адресата речи с точки зрения их прагматического оформления.

Обращаясь к кому-либо, тем более в ситуации межкультурной коммуникации, адресант должен всегда помнить, что одним из главных условий успешности и результативности общения является „сохранение лица” (P. Brown, S. Lewinson) адресата. Очень важным при этом считается определение роли форм обращения как одного из средств установления рамочных условий коммуникации, то есть создание позитивного коммуникативного климата в пределах данной коммуникативной ситуации.

Официальная ситуация требует употребления кодифицированных норм, в неофициальной же ситуации происходит смещение нормативности в сторону вариативности форм, создаются ситуативные модели, важную роль в которых играет индивидуализация, экспрессия, творчество.

Симметрические соотношения контактов *на ты* в украинской, русской и польской коммуникативных культурах – это прежде всего такие отношения между адресатом и адресантом, которые сигнализируют об их прагматическом равенстве. По словам М. Марцяник, „обращение *на ты*

является видом двустороннего согласия на вторжение на частную (личную) территорию другого человека” [Marcjanik 2007: 36].

В украинской коммуникативной культуре при сильном эмоциональном всплеске наблюдается ситуация перехода от формы *на ты* к форме *на Вы* (сигнал резкого дистанцирования в силу разнообразных, скорее негативных, причин). А в польской, как отмечает М. Марцяник, собеседники чаще употребляют асимметрическую форму *на ты* как более адекватную в подобной ситуации, чем форму *pan/pani* [Marcjanik 2007: 41]. В подтверждение мысли, хотя и дискуссионной, можно привести ряд примеров коммуникативных ситуаций „полицейский – хулиган”, „стражник – заключённый”, „служащий высшего ранга – работник низшего ранга”, „поляк – торговец на рынке, который прибыл с Востока” [Marcjanik 2007: 41-43].

Форма обращения *пан/пані (pan/pani)* в украинском и польском языках обозначает не только форму не-ты, а осознание того, что адресат речи не является родственником, приятелем адресанту. В такой ситуации дистанцируют коммуникантов социальный статус, возраст, пол, тональность общения. Эта форма является ядром речевого акта обращения в официальной ситуации.

Обращение-регулятив *пан/пані (pan/pani)* свидетельствует о проявлении уважения говорящего к адресату и, как правило, употребляется с приложением, которое конкретизирует субъект речи. В качестве приложения могут выступать как имена собственные, так и имена нарицательные. Форма *пан/пані (pan/pani)* + *имя* используется в неофициальной сфере, по отношению к сверстникам или к младшему по возрасту адресату речи, к лицам с одинаковым социальным статусом, реже – к адресату, занимающему более низкую ступеньку в социальной иерархии. В официальной ситуации общения такого рода обращение расценивается как фамильярное, невежливое. Ещё в большей степени это касается обращений *пан/пані (pan/pani)* + *фамилия*. Ненормативным в украинском языке считается употребление формы *пан/пані (pan/pani)* + *имя отчество*.

В польской коммуникативной культуре форма обращения к адресату *pan/pani* + *фамилия (Panie Kotarski, Pani Nowakowa)* использует только в двух ситуациях. Во-первых, в ситуациях, когда называют кого-то, выделяя его с группы других лиц, например, ученика или студента: *Panie Kotarski, proszę o wyjaśnienie system wokalicznego języka polskiego. Pan Lasota proszony jest o podejście do tablicy*. Во-вторых, эту форму как наиболее вежливую используют жители небольших селений, поскольку степень знакомства между ними очень высокая. В других ситуациях такая форма обращения недопустима и указывает на то, что, употребляя подобную форму, адресант является носителем другого языка [Marcjanik 2007: 46].

Во время коммуникативного акта говорящий всегда находится перед проблемой выбора языковой формы, которая в наибольшей степени соответствовала бы реализующейся в высказывании интенции субъекта

речи. „Адресатные формы, как и вообще формы речевого этикета, нельзя создать, придумать самим, их необходимо знать, поскольку незнание либо затрудняет общение (особенно в плане межкультурной коммуникации – А.П.Б.), либо делает его невозможным. Знание правил и владение нормами этого выбора является обязательным; противоположное приводит говорящего к „поражению” [Ożóg 1990: 62].

А.Г. Балакай отмечает, что „в обращении к незнакомым русские испытывают некоторое неудобство. На это обращают внимание и учёные, и писатели, и иностранцы, овладевающие русским этикетом. Иногда приходится слышать нарекания, в которых сквозит сожаление по ушедшим русским обращениям *сударь, сударыня*, а нередко и зависть к иностранной культуре” [Балакай 2005: 84], в то время, как в украинской и польской коммуникативных культурах имеем форму обращения *pan/pani (pan/pani)*.

В русской культуре в качестве обращений-регулятивов в ситуации обращения к незнакомому выступают формы *женщина, мужчина*. Но, по нашим наблюдениям, они часто создают ощущение дискомфорта в адресата речи; подсознательно расцениваются как вторжение в их личную зону, особенно когда речь идет о лицах женского пола. А.Г. Балакай подчёркивает: „в отличие от *женщина* обращение *девушка*, как правило, не вызывает явной негативной реакции ни у девушек, ни у молодых женщин. Оно воспринимается как нейтральное, обиходное” [Балакай 2005: 87].

Когда в узусе, например в русском, отсутствует подходящая номинация адресата, применяется „единица привлечения внимания типа *простите... извините...* и т.п. – функционально равная обращению с номинативной основой” [Формановская: 86]. Следует отметить, что эти формулы, кроме вежливого обращения, одновременно указывают и на речевой акт извинения. Поэтому они, как правило, употребляются в официальной сфере общения.

Форма *proszę pana/proszę panią* в польском языке „употребляется в нейтральном контакте, в ситуации, когда собеседники не знакомы или мало знакомы друг с другом и выступает скорее как репрезентант определённых социальных ролей, а не обращение к конкретным лицам по имени, фамилии, специальности и другое” [Ożóg 1990: 64].

Обращения-регулятивы *pan/pani* в польском языке отличаются формой звательного падежа от местоимений *pan, pani*. В первом случае форма звучит *panie/pani: panie profesorze, panie kierowco, pani prezes, pani doctor*. А во втором – форма звательного падежа является аналитической и звучит *proszę pana/proszę panią*. По мнению Р. Хуши, „элемент *proszę* не является здесь формой глагола, а только грамматическим показателем, на что указывает его флективная несклоняемость” [Huszczka 2006: 103].

Формы обращения в польском языке, реализующиеся вводно-контактными глаголами *rozumieć, widzieć, wiedzieć* в форме 2-го лица единственного / множественного числа изъявительного наклонения настоящего времени, а также *(po)słuchać* в форме 2-го лица единственного / множественного числа повелительного наклонения, также являются

глагольными синонимами обращения в польском языке, поскольку имеют формальные показатели для выражения категории лица – личные глагольные флексии, и в этом проявляется их грамматическая специфичность в сравнении с обращениями, выраженными наименованием [Полонский 1992: 10].

Релевантной официальной ситуации общения является форма пан/пані (pan/pani) + учёная степень, звание, род занятия, ранг, титул, сан. Узус указывает на то, какая единица обращения является наиболее адекватной ситуации.

Вежливая форма в польском языке – *pan* по отношению к мужчине и *pani* по отношению к женщине: *Panie kierowco, tu parkować nie wolno. Panie Franciszku, proszę przedstawić samochód. Pani Kowalska, proszę o rozamykaniu okna* требуют после себя формы глагола третьего лица единственного или множественного числа. Например: *Czego Państwo potrzebują? Czego Pan (Pani) potrzebuje?*

В польском языке недопустимым является обращение к адресату, употребляемое при глаголе в форме 2-го лица множественного числа. Поляки считают такую форму не совсем вежливой, поэтому, как правило, избегают её. Это самая распространённая ошибка украинцев, русских, белорусов, оказывающихся в польскоязычной среде. Такое формоупотребление в польском дискурсе может быть воспринято даже как обида.

В русском речевом этикете традиционной является трёхчленная форма обращения (фамилия, имя, отчество). Что касается украинского языка, то форма обращения до настоящего времени является дискуссионной. Форма обращения по имени отчеству сохранилась в учебных заведениях параллельно с формой *пане/пані вчителю (доценте, професоре)* реже *пане/пані + имя*. Но пока, по нашим наблюдениям, доминирующей остаётся первая. В последнее время в официальной сфере общения наблюдается преобладание модели *пан (пані) + обращения-индекс/обращение-регулятор* реже *пан (пані) + имя и фамилия* над формой по имени отчеству.

Не вызывает никаких сомнений конвенционное употребление звательного падежа как специфического показателя украинского и польского языков. Это является существенной особенностью речевого этикета польского и украинского народов, проявляющейся в том, что вокативы характеризуются особой специфичностью и выразительностью, поскольку в единственном числе они в основном имеют характерную форму. Например: *Добрідень Вам, Сидоре Петровичу! Доброго здоров'я Вам, Степане Івановичу! Słuchaj, Aniu, kup mi mleko, bardzo cię proszę. Panie Kazimierzu, będziemy mieszkać w tym samym pokoju przez trzy dni. Panie kierowco, tu parkować nie wolno. Panie profesorze! Matusiu! Tatusiu!*

Необходимо помнить, что формы требуют звательного падежа все члены составного обращения, кроме формы *пан/пані + фамилия*: *пане Степаненко, пані Кузьмук; panie Wojtyła, pani Kaczyńska.*

По нашему мнению, в польском этикете являются интересными попытки образования третьего вида обращения, чего-то среднего между формой *na ты* и формой *na пан/пани*. М.Марцяник называет этот тип обращения „форма на *pani Ewo*” [Marcjanik 2007: 47]. Эта форма является не собственно польской, а позаимствованной из англоязычной культуры, при этом в польском узусе сохранив свой нулевой маркер. А. Вежбицкая подчёркивает: „Имя имплицитно подразумевает неофициальные и дружеские отношения, но не приятельские. Дружба основывается главным образом на близких личных отношениях между коммуникантами, а в английском языке существует недостаток средств выражения таких отношений” [Wierzbicka 1999: 212-223].

В польской коммуникативной культуре обращение в ассиметричной ситуации *pani Zosiu, Panie Kszystowie* расценивается как фамильярное. Такую форму обращения, как правило, используют в совместных польско-американских фирмах. Другой вид, так называемая третья форма обращения, на которую обращает внимание М. Марцяник, – „это форма эллипса, вместо *panie profesorze, panie doktorze, panie redaktorze* появляются *profesorze, doktorze, redaktorze*, но это не касается аналогичных женских форм” [Marcjanik 2007: 49]. Такой тип обращения возможен в неофициальной ситуации или при близком знакомстве собеседников. Это объясняется законом экономии в языке.

Таким образом, грамматические маркеры обращения в системе речевого этикета обозначены ярко выраженной национально-культурной спецификой, знание которой является важным элементом коммуникативной компетенции носителей других культурно-языковых традиций и является необходимым условием успешной межкультурной коммуникации. Национально-культурные факторы имеют существенное влияние как на элементы языкового кода, так и на собственно процесс коммуникации.

Перспективным, по нашему мнению, является детальное описание обращений-индексов и обращений-регулятивов в прагматическом и функционально-грамматическом аспектах.

Список литературы

1. Балакай А.Г. О русских обращениях // Русская речь. – 2005. – № 6. – С. 84-87.
2. Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики: Монографія. – Львів, 2003. – 281 с.
3. Богдан С. Мовний етикет українців: традиції і сучасність. – К.: Рідна мова, 1998. – 478 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — М.: Русский язык, 2001. — 720 с.
5. Гольдин В.Е. Этикет и речь. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 112 с.

6. Дудик П. Звертання в мовленні і в синтаксисі // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Збірник наукових праць. Серія: Філологія. – 2001. – Вип.3 / Віп. ред. Н.Л. Іваницька. – Вінниця: ВДПУ. – С. 156-160.
7. Лендел Ж. Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1987. – С. 193-218.
8. Овсяннико-Куликовский Н.Д. Синтаксис русского языка. – Спб., 1912. – С. 292-293.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд.7. – М., 1956. – С.404.
10. Полонский А.В. Категория адресатности в современном польском языке: Автореф. дисс... к-та. филол. наук: 10.02.03. – Спб., 1992. – 18 с.
11. Радевич-Винницький Я. Етикет і культура спілкування. – Львів: Сполом, 2001. – 223 с.
12. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Учпедгиз, 1959.
13. Русская грамматика. – М.: Русский язык, 1990. – 639 с.
14. Слинько І.І., Гуйванюк Н.В., Кобилянська М.Ф. Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання. К.: Вища школа, 1994. – С. 404-415.
15. Тарасов Е.Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 38-67.
16. Формановская Н.И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // library.krasu.ru – с. 83-88.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Учпедгиз, 1941.
18. Huszcza R. Honoryfikatywność. Gramatyka. Pragmatyka. Typologia. – Warszawa: PWN, 2006. – S. 89-151.
19. Marcjanik M. Grzeczność w komunikacji językowej. – Warszawa: PWN, 2007. – S. 35-55.
20. Ożóg K. Zwroty grzecznościowe współczesnej Polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego CM XIII. Prace Językoznawcze. – Zeszyt 98. – Kraków, 1990 – 92 s.
21. Wierzbicka A. Język – umysł – kultura / Pod red. J. Bartmińskiego. – Warszawa, 1999. – S. 212-223.

В статье исследуется национально-культурная специфика форм обращения и описываются грамматические маркеры в украинской, русской и польской коммуникативных культурах.

In article are researched national-cultural specifics of the forms of the address and are described grammatical markers in Ukrainian, Russian and Polish communication culture.

ФИО: Безноса Алла Петровна

Место учебы: аспирантка Полтавского государственного педагогического университета имени В.Г.Короленка, филологический факультет, кафедра общего и славянского языкознания и журналистики.

Название доклада: Грамматические маркеры обращения в украинской, русской и польской коммуникативных культурах.

Секция: Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации.

Домашний адрес: ул. Курчатова 18 / 517
г. Полтава, Украина
36034

тел: (+380532) 66 98 84
моб: (+38050) 809 75 17

alla_beznosa@mail.ru